

УДК 82.09:821.35

ББК 83.3 Кав

Б-59

Биданок Марзият Мугдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, т.: 8(903)4660065

**ЧАСТЬ РЕЧИ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ, АКТИВНО
ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ХАЗРЕТОМ АШИНОВЫМ В БАСНЯХ**

(рецензирована)

Предметом исследования является язык басен адыгского автора Хазрета Ашинова, характеризующийся наличием специфической окрашенности, обусловленной личностным и социальным компонентами. Используемые части речи рассматриваются как на общероссийском, так и на адыгском басенном материале с выведением языковых итогов, обусловленных предшествующими отечественными и, в частности, национальными исследовательскими традициями.

Ключевые слова: басня, язык, часть речи, имя, российский, адыгский, Зекох, Ашинов.

Bidanok Marziyat Mughdinovna, Candidate of Philology, senior researcher of the Language Department of the Adygh republican institute of humanitarian researches named after T. Kerashev, tel.: 8(903)4660065.

**PART OF SPEECH AS A LANGUAGE CATEGORY ACTIVELY USED BY KHAZRET
ASHINOV IN HIS FABLES**

(reviewed)

The object of the research is the language of the fables of the Adygh author Khazret Ashinov which is characterized by the existence of the specific patterns caused by personal and social components.

The used parts of speech are considered both on all-Russian and on the Adygh fable material with drawing language conclusions caused by the prior national and, in particular, domestic research traditions.

Keywords: fable, language, part of speech, name, Russian, Adygh, Zekokh, Ashinov.

В прозе конца XX в. отечественные писатели, осваивавшие в собственных трудах достойную степень лирической прозы, не менее энергично, чем в других повествовательных жанрах, начали придерживаться углубленного освоения душевного расположения персоны и потому рассмотрим личностный компонент басенной поэтики. Преимущественно активными персонажами в баснях всех времен и народов выступают животные, растения, вещи. Образы животных, действующие в «Панчатантре» (памятник санскритской повествовательной прозы III-IV вв. н.э.), воплощают собой разнообразные признаки, характерные для человека. Считается, что на подобных, понятных читателю, зоологических и биологических образцах предположительный автор названной древней рукописи Вишнушарман обязан был представлять принцам бытие различных социальных групп во всевозможных ситуациях, достающихся человеку. Характеры героев в

«Панчатантре» описываются рассказчиками, в роли которых представлены шакалы Каратака и Даманака.

Данная Панчатантра интенсивно наполнила мировое пространство. Аналогичного типа практика одушевления естества наблюдается позднее и в северокавказских трудах прошлого и текущего веков (адыгские писатели А. Охтов, А. Тепеев, Н. Куек, Г. Братов, К. Абуков и др.). Окружающая сфера у Г. Братова («Я вернусь») на отдельном уровне живет и потому может согласованно примкнуть к расположению узлового лица. Причем повествователь, изображая среду, разноречив, и его разбросанные суждения больше определяются его состоянием и думами в данный момент в конкретном месте. Аналогично активна природа и у рассматриваемого нами адыгского автора Хазрета Ашинова в его басенном сборнике на адыгском языке «Допрыгался!» [2]. Дума о корнях подобного понимания естества, какое сопровождается отпечатком отчетливого своеобычия, позволяет стимулировать общепринятое мировоззрение адыгов. Фактически еще в эпосе «Нарты» выстраивается требуемая соотношенность природы с человеческим кругом, это есть обязательная по смыслу неразделенность личности и опоясывающего ее слоя. Как говорит об этом отечественный исследователь А.Н. Абрегов, «Анализ свидетельствует о том, что в адыгских языках могут происходить изменения различного характера, поэтому структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем возможна только на основе этимологического анализа» [1: 114].

Большая часть заглавий (двадцать из двадцати девяти), выстраиваемых Х. Ашиновым в данном издании, являются состоящими из отдельных слов или их перечислений. Причем в роли заглавных слов чаще применяются автором имена и, совсем не применяются местоимения. Фактически автор использует в заглавной роли лишь семантически насыщенные части речи, обозначаемые в сегодняшней информационно-окрашенной практике как «ключевые слова». Используемые в данном случае имена различаются по их лексическому значению. Имена, обозначающие предмет здесь, разделяются на нарицательные и собственные. К содержащим признак собственности в баснях Х. Ашинова можно отнести слова, обозначающие предметы, но представленные автором в качестве одушевленных, мыслящих и живущих центральных героев: «ШыкІэпщынэмрэ Бзэпсымрэ» (= «Щичепщин и Тетива»), «Тракторымрэ Такэмрэ» (= «Трактор и Пень»), «ХъантІаркъохэр» (= «Лягушки»). Остальные, используемые автором, имена предметов являются нарицательными, но также могут разделяться на одушевленные и неодушевленные. Одушевленными являются такие заглавные имена, как «КІэлэцІыкІухэмрэ лІыхэмрэ» (= «Мальчики и мужчины»), «Къамыльапщ» (= «Музыкант»). Неодушевленными можно считать следующие: «Нэфыль» (= «Рассвет»), «Гъэсэпэтхыд» (= «Поучительный сказ»), «ЛъытакІэ» (= «Считалка»), «Зэфэгъэгъужъ» (= «Взаимное прощение»), «ТхъакІумкІыхъэр» (= «Заяц»), «Натрыф» (= «Кукуруза»). Признак предмета или лица автор обозначает в таких басенных названиях: одушевленных – «Нэшъухэр» (= «Слепые»), «ХъоршэритІу» («Пара лукавых»); неодушевленных – «ЖэкІэупсыпІэм» (= «в парикмахерской»). Действие или состояние предметов и лиц Х.Ашинов представляет в следующих басенных заглавиях: «ЛПыхъудыдж» (= «Горюющий герой»), «Зэблагъэхэр» (= «Близкие»), «Зыщэтхъухэм...» («Взаимно восхваляющимся...»).

В девяти словосочетаниях, используемых в качестве басенных заглавий сборника, Х. Ашинов применяет из различных видов данной синтаксической единицы в основном именные. Местоименным является лишь одно из них: «Тыдэ кІуагъэми...» (= «Куда бы он

ни пошел...»). Однако большинство именных словосочетаний басенных заглавий автора разделяются по составу: 1) состоящие из предметных словоформ, как то «Чъыг жъау» (= «Гень дерева»), «Къэрабгъэм ишэн» (= «Нрав труса»), «Кукуум ищыIакI» (= «Жизнь кукушки»); 2) состоящие из качественной и предметной словоформ, как то «Пыжь Iуш» (= «Умный еж»), «Хъэ бзаджэр» (= «Злая собака»), «Псынэпкъым тетыр...» (= «Стоящий на берегу»), «Европэм щыIагъэр...» (= «Бывавший в Европе»), «Бым игубжыхъагъэр» (= «Рассердившаяся в норе»).

Обратимся далее непосредственно к текстам басен. По общепринятой в адыгском языковедении классификации У.С. Зекоха, представленной в «Адыгейской грамматике» (Майкоп, 2002), «среди слов именной части речи выделяются на основании общности значений и морфологических свойств лексико-грамматические разряды: 1) субстантивные и несубстантивные, 2) нарицательные и собственные, 3) людские и нелюдские, 4) личные и неличные, 5) конкретные и отвлеченные, 6) вещественные, 7) собирательные. Именно в соответствии с этими, приводимыми У.С. Зекохом, качествами мы рассмотрим далее именную лексику басен Хазрета Ашинова. Наиболее различимой в лексике басен Х. Ашинова можно считать первую из названных групп, каждая из составляющих которой служит названиями различных лиц и предметов, традиционных для художественных произведений. Попытаемся проследить первый пункт данной градации (имена субстантивные и несубстантивные) в рассматриваемой басенной лексике Х. Ашинова на примере двух первых басен его сборника («Псынэпкъым тетыр», «Европэм щыIагъэр»).

По мнению У.С. Зекоха, **субстантивные имена** принято различать по их носителям либо действиям, которые при этом относимы к следующим типам: 1) конкретные предметы, 2) лица, живые существа, 3) вещества, 4) географические объекты, 5) качества и свойства, 6) действия, 7) явления природы. Конкретными предметами в названных баснях Х.Ашинова можно уверенно считать следующие: «бэщы» (= «палка»), «джэхашъор» (= «пол»), «къошъо, къуашъо» (= «лодка»), «дзыо» (= «мешок»), «псынэпкъ» (= «берег»), «хабзэ» (= «обычай»), «шхын» (= «еда»), «шъхъэ» (= «голова»), «Iанэ» (= «стол»), «гущыIэ» (= «слово»), «гущыIэжъым» (= «пословица»). К лицам, живым существам здесь мы бы отнесли такие: «кIалэ» (= «юноша»), «Къасым» (= «Касим»), «бадзэ» (= «муха»), «лъэпкъы» (= «народ»). Из категории веществ в субстантивной лексике этих басен присутствует «псы» (= «вода»). Из числа географических объектов – «Европэ», «Рим», «Париж». Качествами и свойствами мы считаем следующие: «ушъагъэ» (= «набитый»), «Iаз» (= «профессиональный»), «шъхъапэ» (= «верхушка»), «кIыIум» (= «наверху»), «куумэ» (= «на глубине»), «лъакъокIэ» (= «ногами»), «къулай» (= «способ»). Действия обозначаются словами: «гъэIорышIэ» (= «управляющий»), «къошъофыкIэ» (= «вождение»), «шIыкIэ» (= «умение»), «кIодыкI» (= «потеря»), «зэнэкъокъу» (= «соревнование»). Явления природы называются так: «псыгу» (= «водная глубина»), «псыор» (= «волна»), «псычъэр» (= «течение»), «дунае» (= «мировой»). Следовательно, все категории именной субстанции присутствуют в двух небольших баснях писателя.

Применительно к противоположной группе можно вести речь о том же полном наличии. **Несубстантивные имена** принято различать по названиям различных категорий: 1) признаки, 2) количества, 3) действия, 4) состояния. Распределим анализируемую басенную лексику двух текстов Х. Ашинова по указанным категориям.

Признаки в данном случае обозначаются такими лексемами, как: «анахъ» (= «наиболее»), «кIэпсыбзэ» (= «новейший»), «зигъэлIэу» (= «притворяясь мужчиной»),

«шхъухъэу» (= «кознями»), «гоIу» (= «симпатичный»), «хъазынэм» (= «качественный»), «нэмыкI» (= «другой»). Количественные имена – это «зырымэ» (= «по одному»), «зэ» (= «один»), «куп» (= «группа»). Наиболее насыщенная в несубстантивной инстанции группа, обозначающая действия активных героев, выстраиваемая преимущественно на вариациях глагольной основы: «зымышIэрэм» (= «не знающий»), «зэрильэкIэу» (= «как сможет»), «къелыжьыгъэу» (= «отработавший»), «къэмыуцухэу» (= «не останавливающиеся»), «къыIухъаныр» (= «путешествовать»), «сыхэтэу» (= «располагаясь»), «тетхэр» (= «стоящие»), «хъугъэм» (= «ставший»), «хъугъэу» (= «ставший»), «чъэрыр» (= «бегущая»), «язэрэгъаIо» (= «дающий им понять»), «ыльэгъугъэр» (= «увиденное им»). Состояния героев в двух баснях Х. Ашинова называются следующими словами: «афэхунэу» (= «то, что с ними случится»), «гъэсэгъэшхо» (= «высоко образованный»), «ныкъотхъалэ» (= «почти задохнувшийся»), «сыгу щизэу» (= «душещипательно»), «хадзагъэм» (= «заброшенный»), «щысэ» (= «пример»), «щыублагъэу» (= «испытывавший»), «щыIагъэр» (= «побывавший»), «ымыдэу» (= «не желая»).

Одновременно с именами несут не менее насыщенную семантическую нагрузку и глаголы в их многочисленных видовых, временных вариациях. Образуя состоявшиеся предикаты они, тем не менее, не теряют своей социальной нагрузки. Подобной компонентой сопровождаются следующие глаголы двух анализируемых басен Х. Ашинова (приводятся в их авторской форме): «егъасэ» (= «воспитывает их»), «егъэдаIо» (= «заставляет послушать»), «фигъэсэнхэр» (= «обучать их»), «щэгъупшэжьы» (= «забывает»). Социальная окрашенность применяемых Х. Ашиновым соотнесений часто и интенсивно имеет место одновременно в его басенных выражениях в целом. К примеру, представляя читателю стоящего на берегу, убеждающего публику в своей правоте и готовящего прыгнуть в воду оратора Касима, писатель использует такой комплиментарный оборот: «Дунэе олимпиадэм ар хэлэжьагъэу, / Чемпион хъугъэм фэдэу зыкъэшIы» (= «Ведет себя подобно чемпиону, принявшему участие в мировой олимпиаде») [2: 3]. Или в этой же части – снова социальная отнесенность: «Гъэсэгъэшхо горэу бэмэ къашIошIы» (= «Многим кажется очень образованным») [2: 3]. Либо возмущающийся атакой на него Трактора, социально-окрашено вопрошает Пенек: «Райсовет тхъаматэр Iофым щыгъуаза?» (= «Глава райсовета в курсе этого дела?») [2: 6] и т.д.

Но не менее активна в басне Х. Ашинова и естественная составляющая личностного существования, в связи с чем достаточно активна глагольная лексика, обозначающая физическую природу человека и его зависимость от опоясывающей его среды. К таким глаголам относятся следующие: «аIо» (= «говорят»), «дэхъагъ» (= «вошел»), «етхъалэ» (= «тонет»), «зыгъаз» (= «повернись»), «зыкъэшIы» (= «притворяется»), «зэпырэкIы» (= «пересекает»), «зэрегъэхъуапсэ» (= «заставляет себя соблазнить»), «зэрэгъэгущIох» (= «радуются друг другу»), «икIас» (= «любит»), «ипкIагъ» (= «прыгнул»), «ихъагъ» (= «вошел»), «кIодыжьыгъэ» (= «пропал»), «къагъэушъорэкIы» (= «переворачивают»), «къажьо» (= «кипит»), «къашIошIы» (= «кажется»), «къыIожьырэп» (= «не говорит»), «къыIотэнэу» (= «рассказывать»), «къыгъэльэгъошт» (= «покажет»), «къыдэджэгух» (= «играют с ним»), «къыраты» (= «дают ему»), «къыхахыжьы» (= «вытаскивают»), «къэкууагъ» (= «закричал»), «къэуцун» (= «останавливаться»), «мачъэ» (= «бежит»), «мэгужажьо» (= «торопится»), «плъэгъуныр» (= «видеть»), «пыхъагъ» (= «взялась»), «сшIошIы» (= «мне кажется»), «сыкъыщышхагъ» (= «я поела»), «сыкъыщешъуагъ» (= «я выпила»), «сыкъыщышъуагъ» (= «я станцевала»), «сыкъэтхъагъ»

(= «я насладилась»), «тет» (= «стоит на»), «техьяжэрэп» (= «не возвращается»), «хэт» (= «участвует»), «хэфагъ» (= «упал в»), «чИхьягъ» (= «вошел в»), «щыІагъ» (= «был»), «пІомэ» (= «если скажешь»).

Третья из выделяемых У.С. Зекохом частей речи в адыгском языке есть наречие, относимое им к количественным и обстоятельственным (по времени и по месту) типам. Вся данная градация присутствует в рассматриваемом тексте адыгского автора. Отличающиеся существенной эмоциональностью, басенные изложения Х. Ашинова зачастую усилены данными лексемами, исполняющими поясняющие и уточняющие действия. К количественным наречиям двух басен относятся следующие: «ащ фэдиз» (= «столько»), «боу» (= «сильно»), «бэмэ» (= «многие»), «джыри» (= «еще»). К обстоятельственным наречиям времени здесь принадлежат: «псынкІэу» (= «быстро»), «бэшІагъэ» (= «давно»), «джы» (= «тотчас, сейчас»), «етІанэ» (= «потом»), «зымафэ» (= «однажды»), «джырэблагъэ» (= «недавно»), «пэразэу» (= «кружась»). К обстоятельственным наречиям места могут быть отнесены: «лъэшэу» (= «сильно»), «фэшІы» (= «насчет»).

Четвертая категория частей речи в адыгском языке относится У.С. Зекохом к лексической группе местоимений. Они разделяются на определенные семь групп, а мы относим местоименную лексику двух басен Х. Ашинова к этим видам:

- личные («ежь» (= «сам»), «сэ» (= «я»), «тэ» (= «мы»)),
- указательные («ар» (= «тот», «он»), «ащ» (= «его»), «джащ» (= «это»), «мары» (= «вот»), «мо» (= «этот»)),
- притяжательные («ащкІэ» (= «этим»), «ти» (= «наш»)),
- вопросительные («сыд» (= «что»), «сыдэу» (= «насколько»)),
- определительные («джауштэу» (= «вот так»), «зэкІэ» (= «все»), «пстэури» (= «все»)),
- неопределенные («горэу» (= «какой-то»), «зыгорэ» (= «кто-то»));
- отрицательные («зи» (= «никто»)).

Действенным способом, помогающим автору кратко и лаконично, но отчетливо донести мысль до читателя, у Х. Ашинова применяются и насыщенные местоименные группы, а также сопровождающие их наречия и наречные слова. К примеру, в монологическом куплете, который является зачином басни «Щичепщин и струна», доля такого рода лексики в ее отрицательной специфике составляет преимущество: «Оры сэ сигъашІэм сызымыгъакІорэр! / Сыд фэдизэу щытхъу чІыпІэ сэ сихьягъ, / Ау щытхъур зэкІэ оры зыфаІорэр. / Сыд фэдизэу сэ сегугъугъэми, / Сыд фэдизэу къэсІуагъэми орэд, / АІо ощ фэдэ амыльэгъугъэу» (= «Ты меня в моем творчестве не пускаешь вперед! / Сколько времени меня восхваляли, / Однако вся похвала достается тебе. / Сколько бы я ни старалась, / Сколько бы песен я ни пела, / Говорят, что не видели подобных тебе»). Имеются согласительные вводные слова типа «хьугъэ» (= «ладно»), «икъун» (= «хватит»). И здесь же – вопросительный типаж такой лексики: «Сэ сыд, зыпари сымышІагъэм фэд!» (= «Я что, как будто ничего не сделала!») или «Ара зэкІэ?» (= «И это все?») [2: 5].

Таким образом, фактически полный комплект выделенных отечественным ученым частей речи прослеживается в лексике двух рассматриваемых басен Х. Ашинова, что позволяет нам обратиться далее к особенностям ее реализации в басенных текстах автора, с учетом ее географической и социальной отнесенности. Территориальное распределение адыгов по землям Черкесии содействовало активному применению зоонимов, которые (как уже отмечалось выше) были традиционными и в древней рукописи. Они

сопровождаются таким видовым компонентом, как рептилии и члены подводного слоя, а также насекомые: «блэ» (= «змея»), «бжьэ» (= «пчела»), «бадзэ» (= «муха»), «къамзэгугу» (= «муравей»), «цІэгугу» (= «жучок»), «мацІэ» = «саранча»), «пцэжьый» (= «рыба»), «хъантІаркьу» (= «лягушка») и т.д. «Блэ бзэгугу иІ» (= «Имеет язык змеи»), – так адыгские коммуниканты заявляют о сплетнике, соотнося его злую тираду с ядом, извергаемым жалящей и иногда убивающей змеей.

Применительно к данной видовой группе у Х. Ашинова имеются в баснях весьма активные насекомые. Таковой можно считать активную героиню – «бадзэ» (= «муха») в басне «Европым щыІагьэр» (= «Побывавшая в Европе»). Метафорически передаются здесь эмоции и ощущения путешествующей мухи: «Путешествовать муха любит, / Ей по этому поводу многие завидуют». Географический фактор срабатывает здесь в общемировом контексте, когда муха в своем стремлении оказывается в целом ряде мировых государств, уверенно и стремительно посещая их по самолетным маршрутам: «Джырэблагьэ щыІагь Европэм, / Рими / Парижи / Ар адэхьагь» (= «Недавно была в Европе, / Рим/Париж/ она посетила») [2: 5]. Пересказать все увиденное в европейских ресторанах старается муха и, говоря о том, как она там ела и пила, не забывает упомянуть и о том, как танцевала: «Джэхашьор арэп, Іанэ кЫІум, / ЛьякьокІэ сыхэтэу шхын гоІум, / Сьдэу сыгу щизэу сэ ськьэтхьагь!» (= «Не на полу, на столе / Стоя на ногах, среди вкусной еды танцевала, / Так, от души отдохнула!») [2: 5].

В художественных текстах нередко имеются такие обороты, которые, по мнению И.И. Чернышёвой, «выработаны в результате многовекового опыта народа и представляют поэтому запас таких образов, которые известны и привычны каждому члену данного языкового коллектива и передаются от поколения к поколению» [3: 183]. Х. Ашинов также активно применяет подобную лексику, эффективно используя ее и в монологах, и в диалогах своих героев, и в комментариях рассказчика. Благодаря такому подходу автор усугубляет доносимую мысль и приближает повествование к нашему современнику, узнающему в басенных репликах используемые им сегодня, в новом веке фразы. Эти выражения несут этическую составляющую и в своем употреблении регулируют социально-бытовую коммуникативную среду, уравнивая и урезонивая ее участников: «боу мэгузажьо» (= «очень спешит»), «гушыІэ кьыІожьрэп» (= «ни слова ни говорит»), «ащ фэдизэу сыгу хэмыгьэкІ» (= «так сильно меня не обижай»), «шьыпкьэу зэхэль» (= «состоит из правды»), «сэ сыгу хэль» (= «у меня в душе»), «седэІоу сыщытмэ» (= «если буду стоять и слушать»), «о пшысэу къапІорэм» (= «сказка, которую рассказываешь»), «хьаулые шьыпкьэу укьыспыпкІагь» (= «зря ты ко мне прицепился»), «гьогумаф» (= «счастливого пути»), «бэрэ опсэу» (= «долго живи»), «умышІэмэ сшІэрэп нахь» (= «не знаю, знаешь ли ты») и т.д. Зачастую применяется в фабуле Х. Ашинова и градация, связанная с нарастанием – явлениями, свойственными приподнято-декламационному типу басни. Так, по нарастающей, рассуждает бывающая в Европе Муха: «Рим и рестораны ськьыщышхагь, / Париж и рестораны ськьыщешьуагь, / Зыгорми, сшІошЫ, ськьыщышьуагь» (= «В ресторане Рима я поела, / В ресторане Парижа и выпивала, / И где-то, как я помню, я станцевала») [2: 5].

Таким образом, в баснях Хазрета Ашинова очевидными предстают мастерское владение адыгским слогом, гармоничное сочетание граней описания абстрактного человеческого образа и воссоздания нрава непосредственного млекопитающего, пресмыкающегося, насекомого или птицы. Излагаются названные художественные признаки посредством богатой и разнообразной адыгской лексики, могущей быть

распределенной в соответствии с выделяемой отечественными учеными классификацией частей речи. Подобного рода гармоничное и художественное словесное комплектование обусловило басням адыгского писателя Х. Ашинова середины и конца прошлого века многолетнюю известность и всенародное почитание.

Литература:

1. Абрегов А.Н. Структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем адыгских языков: этимологические этюды // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2. С. 111-114.
2. Ашинов Х.А. Допрыгался!: басни (на адыг. яз.). Майкоп, 1981. 74 с.
3. Чернышёв И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1970. 199 с.
4. Зекох У.М. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002. 512 с.

References:

1. *Abregov A.N. Structural and motivational interpretation of a number of lexemes of the Adygh languages: etymological etudes//Bulletin of the Adygh state university. Series 2: Philology and art criticism. 2012. No. 2. P. 111-114.*
2. *Ashinov Kh.A. Have got up in mess!: fables (in Adygh). Maikop, 1981. 74 p.*
3. *Chernyshyov I.I. Phraseology of modern German. M.: High school, 1970. 199 p.*
4. *Zekokh U.M. Adygh grammar. Maikop: Adygea, 2002. 512 p.*